

Ок Се Хён. Беззаветная преданность Божьей воле

28 декабря 1998 года г-жа Ок Се Хён, известная всем членам Церкви как “бабушка Ок”, перешла в духовный мир. Истинный Отец назвал ее Сун Мо, что значит “ранняя мать”, так как она была одной из самых первых последователей Отца и по-матерински заботилась о своем юном Учителе и его учениках. Она также была первой, кого послал к Отцу духовный мир. Г-жа Ок познакомилась с Отцом 6 ноября 1946 года, а 52 года спустя, 4 января 1999 года, в Понда-дель-Эсте, Отец лично провел церемонию, во время которой присутствовавшие на ней лидеры отдали ей последний земной поклон. Отец хотел, чтобы через эту церемонию г-жа Ок обрела покой и утешение. Пятьдесят лет назад она сама несла покой и утешение Отцу, когда заботилась о нем во время его заключения в тюрьме Хыннам.

Октябрь 1898 - родилась в Сончхоне, провинция Пхёнан-намдо.

Ноябрь 1946 - встретила преподобного Муна и стала его последовательницей, Пхеньян.

Февраль 1966 - стала духовной наставницей Церкви Объединения в Корее.

Я родилась в Сончхоне, в провинции Пхёнан-намдо. Моего отца звали Ок Юн Хён, а мать — Мин Сон Док.

В возрасте двенадцати лет я пошла в школу, но моя миловидная внешность делала меня объектом повышенного внимания со стороны мальчиков, учившихся вместе со мной, поэтому я прекратила занятия, так и не закончив школу.

Мои бабушка и мама были преданными христианками. Когда я оставила школу и стала проводить все время дома, они принялись убеждать меня посещать церковь, однако отец был против этого, поэтому я бывала там лишь изредка. В 19 лет я вышла замуж.

Мой муж в то время учился в профессиональном колледже Пусан в Сеуле. Закончив его, он устроился на работу в уездной администрации, а, поработав там некоторое время, в возрасте 23 лет сдал экзамен на чин и получил одну из младших должностей в той же администрации. Он проработал на государственной службе около 10 лет, а затем подал главе уезда прошение об отставке и начал собственное дело. Он стал руководителем компании, которая занималась продажей изделий из резины. Будучи директором фирмы, он одновременно являлся пресвитером пресвитерианской церкви Щинчхонни в Пхеньяне, где я стала диакониссой.

Когда моему старшему сыну исполнилось 22 года, он уехал на учебу в Японию. Там во время войны он был призван в армию. То было время ожесточенных боевых действий. Новобранцы, отправлявшиеся на поля сражений, заранее горевали, зная, что их ждет напрасная смерть.

Зная, что мой сын не выживет без Божьей помощи, я днем и ночью искренне молилась, прося для него защиты.

Я встречаю Учителя в Пхеньяне

Однажды проповедником в нашей Церкви выступал человек, наделенный особой благодатью. Я участвовала в том собрании, а после пригласила его к себе. Мы три дня подряд устраивали молитвенные собрания, во время которых просили о защите для моего сына. Однажды вечером, после такого собрания, когда я легла спать, комната наполнилась багровым светом. Я удивилась и выглянула наружу: посреди двора сиял огненно-красный свет, похожий на солнце, которое

перемещалось в разных направлениях. Волны от этого света буквально захлестнули меня, но я не сочла это явление заслуживающим особого внимания и, помолвившись, заснула.

На следующее утро, поразмыслив, я поняла, что языки пламени, которые я видела прошлой ночью, — это не что иное, как огонь Святого Духа, о котором написано в Библии. Бог пришел ко мне особым образом, послав мне огонь Святого Духа, а я была настолько глупа, что ничего не поняла и, более того, все проспала. Я почувствовала сожаление и даже некоторую обиду.

Когда я легла спать на следующую ночь, в голове у меня теснился рой мыслей. Внезапно кто-то подошел ко мне, хлопнул по голове и приказал встать. Испугавшись, я села на постели. Я ожидала услышать голос, но голоса не было, я видела только свечение, как и прошлой ночью. Подумав, что ко мне снова низошел огонь Святого Духа, я заснула без всяких чувств.

На третью ночь я наполнила корзину языками пламени от огня и опрокинула ее на себя. Было так горячо, что я стала барахтаться, но, кроме этого, ничего особенного не произошло.

Через несколько дней после этих событий человек, который приходил к нам домой молиться, сказал мне, что будет проводить молитвенное собрание в доме напротив, и я присоединилась к этому собранию. По окончании службы он попросил меня произнести заключительную молитву. Хотя в то время я уже была диакониссой, я ни разу не молилась перед большим собранием людей, но, так как меня назначили, я уже не могла отказаться. Я начала: "Небесный Отец!" Затем произошло следующее: у меня словно ком в горле застрял, я не смогла произнести ни звука. Поколебавшись некоторое время, этот человек помолился вместо меня. После молитвы он сказал: "Сегодня Бог призвал госпожу Ок Кён Шин (это — мое старое имя) особым образом и даровал ей свою благодать". А я его спросила: "Если это так, то сможет ли такой человек, как я, быть достойным подобной милости?" Он сказал, что я должна быть сильной и не попадаться в сети сатаны.

Последовав его совету, я пошла домой, но с того времени в моей душе начало что-то происходить. Мне казалось, что я поднимаюсь в воздух и шагаю прямо по небу. Слух улавливал необычные звуки, а зрение прояснилось.

Придя домой, я приступила к молитве, но мою комнату заполнили дьяволы, которые стали издеваться надо мной. Помня о том, что мне было сказано не попадаться в сатанинские сети, я стала молиться еще усерднее, и тут раздались громкие вопли. Я испугалась, но, переборов свой страх, довела молитву до конца. Таким образом сатана испытывал меня в течение трех дней, после чего ушел и больше не появлялся.

Военный конфликт все более обострялся, и наша Церковь совсем опустела. Вместо прихожан в ней поселились посторонние люди, похожие на рабочих. Они жили в Церкви и устроили там такой беспорядок, что превратили ее в логово сатаны. Я перестала туда ходить и молилась только дома.

В те времена, до и после освобождения Кореи, с верующими происходило много явлений, связанных с деятельностью Святого Духа. Так и мне однажды утром пришло откровение.

Мне было сказано: "С Юга пришел Учитель, он живет сейчас на другом берегу реки Тэдонган. Найди его. Он еще никому не открылся и живет тайно". Кроме того, я получила указание идти молиться в горы. Я очень обрадовалась. В нашей Церкви поселилась куча народу, и я подумала, что мы уйдем с Учителем и построим чистую церковь в другом месте и я буду ему прислуживать. Однако, захлопотавшись по хозяйству, я со дня на день откладывала свой поход в горы. В конце концов я была наказана Небесами и слегла с сильной лихорадкой.

6 ноября 1946 года моя старшая сестра пришла ко мне и сказала, что она знает одну женщину, которая хорошо проповедует, и предложила сходить к ней. Я пошла вместе с сестрой. Эта женщина, примерно лет 50, сказала нам, что она проводит молитвенные собрания, получив благодать от Учителя, который пришел с Юга. На следующий день вместе с этой женщиной мы пошли на встречу с молодым Учителем, им был преподобный Мун Сон Мён.

У Учителя была короткая стрижка, и он носил синее чогори (корейская традиционная куртка. — Прим. перев.). Женщина, которая привела меня, сказала: "Эта госпожа тоже хочет получить благодать". Я представилась Учителю, и он поговорил со мной немного, а в конце сказал: "Давайте работать вместе". Я согласилась, и с тех пор приходила на его службы каждое воскресенье. В то время Учителю было 27 лет, а мне — 48. Он был намного моложе меня.

Под руководством Учителя мы, несколько глубоко верующих диаконов из разных церквей, собирались вместе и проводили службы. Атмосфера богослужений была пронизана благодатью: мы плакали сначала от благодарности, а когда поняли, в каких обстоятельствах находится Бог, начали лить слезы раскаяния. В общем наши собрания проходили очень бурно. Этим мы навлекли на себя обвинения со стороны традиционных церквей, наши домашние ополчились против нас, и в конце концов дошло до того, что нас забрали в полицейский участок. Там я испытала на себе действие Святого Духа, который сошел ко мне из чердачной комнаты. Ощущение было подобно тому, что пережил Марк 2000 лет назад в день пятидесятницы.

Родные ругали меня за то, что я ходила к "этому молодому человеку с Юга". Пастор и прихожане моей церкви тоже приходили ко мне домой и не давали мне покоя. Я же, ни на кого не обращая внимания, следовала за Учителем. Теперь, вспоминая об этом, я понимаю, что, если бы не помощь Небес, у меня не хватило бы смелости на такое.

Учитель не говорил нам о том, что делать дальше, в своих проповедях он объяснял нам Библию. Мы собирались дома у господина Ким Чон Хва (в действительности, госпожи Ким Чон Хва — Примеч. 8books), который раньше служил диаконом в церкви Чандэхён.

Учитель в одиночку преодолевает страдания

В то время в Пхеньяне была одна религиозная группа, которая называлась Покчунгё (Церковь Чрева). Ее основала женщина по имени Хо Хё Бин. Члены этой группы были убеждены в необходимости приготовить одежду для Господа Второго пришествия и хранить ее в большой комнате. Когда слухи об этом распространились, основательницу этой группы забрали в полицейский участок, а все имущество церкви конфисковали. Забрали и Учителя, заявив, что он также состоит в организации, подобной этой. Он пробыл в заключении три месяца.

В тюрьме, чтобы помочь госпоже Хо, Учитель написал ей записку, чтобы она отказалась от веры в рождение Иисуса из материнского чрева и уверовала в его Второе пришествие. Записка попала в руки тюремщиков, и это обернулось для него пытками. Я нашла его за пределами тюрьмы всего окровавленного и с выбитыми зубами.

Три недели спустя Учитель объявил особый пятидневный пост, и мы начали этот пост: сам Учитель и трое женщин из числа его последователей. Хотя я была исполнена особой милостью Святого Духа, я ни разу не молилась о самом Учителе. Я считала, что он просто человек, которому Бог даровал особую милость. Учитель сожалел о таком отношении с моей стороны. Как-то раз он протянул мне полотенце, после того как утерся сам, и сказал: "Попробуйте помолиться вот с этим в руках". Когда я взяла полотенце и начала молиться, с Небес послышался голос: "Твой Учитель — молодой пастырь".

Моя бабушка была преданной христианкой. Когда я была маленькой, она много рассказывала мне о Втором пришествии Иисуса. "Господь Второго пришествия является в разных обликах, — говорила она. — Никогда не знаешь, вдруг он придет в образе нищего. Так что будь искренна даже в обращении с нищими". Мне вспомнились эти ее слова о том, что нельзя судить о людях по внешности, и, хотя Учитель выглядел довольно убого, я поверила, что он и есть тот молодой пастырь, которому надлежало прийти.

Когда, закончив пост, я вернулась домой, тут-то и начались настоящие гонения. Это было вполне естественно, ведь те 5 дней, пока я постилась, дома обо мне ничего не знали.

К 1947 году в нашей Церкви было всего около 30 членов. Почти все они пришли из традиционных церквей. И в своих семьях, и в своих бывших церквях они подвергались таким суровым гонениям, что не осмеливались и глаз поднять. Однажды мне было видение, что Учителя только что отвязали от крестообразного кресла, на котором его пытали. Я помчалась к нему и в самом деле застала его сидящим без сил после того, как кто-то избил его плетью.

Когда Учителю исполнилось 28 лет, 5-6 членов нашей Церкви собрались вместе, чтобы отметить его день рождения. Той ночью мы устроили молитвенное бдение. В молитве я увидела, как к Учителю подошли три пастуха, склонились перед ним в земном поклоне и ушли. Затем перед ним упало три звезды. Увидев такое, я еще больше укрепилась в своей вере в него.

Как-то раз той весной Учитель пошел к своей тете — сестре своей матери. Он пробыл у нее дома некоторое время, а потом вернулся в дом, где у нас проводились собрания. Утром я встретила с ним там. Некоторое время он находился в доме, потом заявил, что уходит, и уже вышел из дома, но вдруг развернулся и сказал, что раз уж он пришел, то пообедает с нами, а потом пойдет. Он снова зашел в дом и стал давать проповедь. Когда хозяйка дома накрыла на стол и мы собирались обедать, в дом внезапно ворвались родители господина Ин Джу и с криком: "Ах, ты негодяй. Ты пришел в дом нашего племянника, да еще обедаешь здесь" — схватили Учителя за волосы и стали таскать из стороны в сторону. Мы пытались их остановить, но они нас не слушали. Тогда несколько женщин из числа наших членов впились зубами в их руки, только так им удалось оторвать их от Учителя и выгнать из дома. Это было большим оскорблением для Учителя, но он, посидев молча некоторое время, затем ушел к своей тете. С той поры преследования усилились, и Учитель больше не мог оставаться в доме для собраний, поэтому он ушел к своей тете, которая жила в 20 ли (примерно 8 км. — Прим. перев.) от того места. Он приходил тайком, время от времени, чтобы побыть с нами.

Неподалеку от дома тети Учителя жила женщина, называвшая себя женой Бога. Ее звали бабушка Пак Ыль Лён. Как-то раз она пришла к Учителю и сказала, что он должен устроить Небесный пир. Он велел всем членам Церкви приготовиться к этому событию. Я сшила и принесла летний костюм, другие члены принесли кто денег, кто еды. Бабушка накрыла два стола — большой и маленький; большой — для Бога, а маленький — для Учителя. Затем она сказала, чтобы Учитель сел за свой стол. Закончив празднество, мы приступили к еде. Еду с большого стола она приказала отдать своим 12 детям, а еду с маленького стола она ела вместе с нами. Потом она ушла.

На следующий день я сказала Учителю, что бабушка вела себя неподобающим образом, на что он мне с горечью ответил: "Это и впрямь нехорошо".

Дня через два он сказал ей, что отныне она должна слушаться его слов и подчиняться ему, но она не послушалась его и стала браниться.

Еще через два дня она прислала за мной человека, и, когда я пришла к ней, она накинулась на меня. "Теперь слушай только меня и приходи только ко мне. У преподобного Муна внутри все почернело, и сюда нужно привести преподобного Ким Пэн Муна из Сеула", — кричала она. Обо всем услышанном я рассказала Учителю. Какое-то время он сидел неподвижно, а потом попросил, чтобы я приходила только к нему.

После этого бабушка стала выступать против Учителя, и дело доходило даже до буйных выпадов в его адрес, так что ему приходилось ее избегать. Через некоторое время она лишилась рассудка. Это произошло потому, что, не послушавшись его слов, она не смогла выполнить свою миссию.

К нашей Церкви присоединилась госпожа Чи Сын До. Она получила откровение о том, что необходимо готовиться к Небесному пиру, который должен был состояться в первый день марта 1948 года по лунному календарю. Но мне было видение, в котором Учителя снимали с креста. Почуввав беду, я помчалась к нему. Увидев меня, он спросил, что за откровение я получила. Я сказала,

что прибежала, потому что увидела, как его снимают с креста. Он сказал, что откровение было правильным.

Белое шелковое чогори, которое он всегда носил, было все изорвано, и было похоже, что его сильно били кнутом. Я спросила у хозяйки дома, что случилось, и она ответила, что приходили родственники Ин Джу и били Учителя. Я очень расстроилась и с упреком спросила ее: "Почему же вы смотрели на все это и не остановили их". Она мне ответила: "Я решила, что Учитель должен перенести все эти страдания".

Несмотря на гонения, мы продолжали подготовку к празднику. Как-то раз, когда несколько женщин из числа наших членов собрались вместе за шитьем праздничной одежды, к нам зашла девушка лет двадцати, поздоровалась и спросила: "Не здесь ли проходят особые службы?" Мы ответили: "Здесь". Она сказала, что она сама верующая, ее мать тоже искренне верит, и рассказала нам о своей семье. После этого она сказала, что хотела бы посещать наши службы. Мы говорили с ней о разных вещах, а через некоторое время пришел Учитель. Он побеседовал с ней о вере и, поскольку на следующий день было воскресенье, пригласил ее на службу. Пообещав прийти, она ушла.

На следующее утро, в воскресенье, я проснулась с чувством пустоты и смятения, причину которых не могла объяснить. Меня томило странное предчувствие, и вот, придя пораньше в дом для собраний, я застала там следователей. Позже мы узнали, что девушка, которая приходила к нам накануне, была агентом полиции. Выведав про нас все, она донесла на нас в полицию. Прежде всего они обыскали комнату Учителя, а затем арестовали его, господина Вон Пхиля и 20 женщин — членов нашей Церкви и повели их всех в полицейский участок.

Они взяли даже хозяйку дома, так что дом совершенно опустел, и мне поневоле пришлось остаться, чтобы присмотреть за ним. На следующий день пришли двое следователей и учинили обыск во всем доме. Они спросили: "Вы готовились к празднованию, так где же украшения и другие вещи?" Очевидно, услышав о Небесном пире, они подумали, что мы собираемся играть свадьбу. Я сказала им, что они пользуются ложными слухами, и объяснила, что должно было произойти на самом деле. Они обшарили весь дом и, не найдя ничего, ушли ни с чем. Они вернулись через три дня. На этот раз они вызвали членов поименно. Таких набралось вместе со мной пять человек. Они связали нам руки веревкой и повели нас в участок.

После трехдневного разбирательства всех женщин, кроме меня, отпустили. Наша семья относилась к сословию янбанов (привилегированное сословие наподобие дворян. — Прим. перев.) и придерживалась обычаев феодального общества, поэтому до того момента я никуда не выходила и не общалась с посторонними мужчинами. Мои домашние были потрясены, узнав что меня продержали в полицейском участке три дня. Кроме того, мой муж был известным человеком и в пхеньянском обществе, и среди прихожан своей церкви. Из-за меня на его долю выпало немало мучений.

Следователи сказали, что хотят узнать обо всем из моих уст. Они заперли меня в помещении для ночной охраны и начали расспрашивать о том, как я пришла в Церковь, кто такой Учитель и т.п. Они ожидали, что мои ответы будут такими, какие они хотели бы услышать, но я все эти три дня постилась и молчала. Тогда они заперли меня в камере. Оказавшись там, я ощутила в душе смятение. Я верила в Бога, была диакониссой церкви, мой муж был пресвитером, и вот я оказалась в тюрьме со связанными руками в ожидании суда. "На что же это похоже!" — думала я. Я устыдилась своего положения, и внезапно в моей душе возникла обида. Все же я утешала себя тем, что возможные невзгоды, выпавшие на мою долю на Божьем пути, ничто в сравнении с грядущей славой.

Следователи не оставляли меня в покое в камере, не давая мне возможности поспать. Учитель, который находился в камере выше этажом, тоже не спал.

Вечером восьмого дня меня вызвали на второй этаж и стали расспрашивать об Учителе: почему я последовала за ним и шла на страдания ради веры в этого странного "Иисуса". "Твой Учитель — шпион Ли Сын Мана", — говорили они. Следователи утверждали, что настоящие намерения, с которыми он пришел в Северную Корею, заключались в том, чтобы, во-первых, шпионить для Ли Сын Мана, во-вторых, выманивать деньги у богатых женщин и, в-третьих, чтобы нарушать общественный порядок.

В то время Северная Корея была уже под властью коммунистов и каждого, кто обвинялся в шпионаже, тут же расстреливали.

Услышав это, я поняла, что Учителю грозит верная смерть. Я мучительно размышляла, что же мне делать, и мои нервы были на пределе. Внезапно со мной что-то произошло и я, упав, начала кататься по полу. Мое поведение так напугало следователей, что они разбежались. Через некоторое время, когда дух покинул меня, они вернулись и спросили, что со мной произошло. "Разве в Библии не сказано, что в последние дни на рабов и рабынь Божиих будет излито от Духа Святого?" — ответила я. "Я тоже проповедник, — сказал один из них. — Я был пастором 20 лет и знаю, что написано в Библии. Ее выдумали люди, так неужели ты веришь в подобные вещи?" — набросился он на меня. На это я не смогла ничего ответить и просто сидела безмолвно. Они мучили меня своими расспросами до часу ночи.

На следующий день меня опять вызвали на допрос. Следователь, который разговаривал со мной прошлой ночью, сообщил, что хорошо знает моего племянника и поэтому отпускает меня. Напоследок он мне сказал: "Перестань верить в этого "Иисуса" и сиди дома". Я была возмущена всем, что произошло, и, наняв адвоката, подала жалобу.

Суд над Учителем широко освещался на страницах газет, и в назначенный день зал суда был до отказа набит прихожанами традиционных церквей. Когда вошел Учитель — с бритой головой и в одежде заключенного, с разных сторон послышались насмешки: "Ты же говорил, что спустился с Небес, где же твоя корона?" Кто-то крикнул: "Таких, как он, нужно забивать камнями до смерти".

Я ношу передачи в тюрьму и сопутствую Учителю в его страданиях

В конечном итоге Учителя приговорили к пяти годам тюремного заключения. После окончания суда я подала прошение о помиловании Учителя, а затем проводила его во двор и передала ему обед, который я приготовила. Его уводили в наручниках. Я последовала за ним. Мне не выразить словами то, что творилось у меня в душе, когда я расставалась с ним! Я снова подала апелляцию, но срок заключения ему не уменьшили.

В то время у Учителя было около тридцати последователей, но все они отошли от него. Они чувствовали обиду, словно он их обманул. "Мы думали, что он послан Небесами, а оказалось, что он — от сатаны" — таковы были их слова. В конце концов из всех учеников остались только я и господин Ким Вон Пхиль. Господин Вон Пхиль работал преподавателем в школе, но, после того как Учителя посадили в тюрьму, а его самого тоже три дня продержали в полицейском участке и подвергали допросам, он был уволен из школы. В семье у него также произошел конфликт на этой почве, и в результате его выгнали из дома. Ему было некуда податься, и он устроился рабочим на стройку. Вдвоем с ним мы и проводили службы. Как-то раз, когда наступило время проведения службы, он не пришел на встречу и я начала беспокоиться. Вечером он прислал мне письмо, в котором сообщал, что упал на стройке и его отвезли в больницу. На следующий день я пошла его навестить. Он повредил поясницу. Пробыв в больнице три дня, он переехал жить в наш дом.

Вскоре Учителя перевели из полицейского участка в пхеньянскую тюрьму, а еще через месяц — в тюрьму в Хыннаме. Я навестила его один раз, когда он был еще в Пхеньяне, и еще раз, когда его перевели в Хыннам. Потом некоторое время я не могла его навещать, и он забеспокоился. Через месяц я получила от него письмо с просьбой приехать.

Собравшись, я села на вечерний поезд и ехала всю ночь. От Пхеньяна до Хыннама тысяча ли (около 400 км. — Прим. перев.). Для меня, привыкшей заниматься домашними делами, практически не выходя из дому, поездка в Хыннам, да еще ночью, была непросто делом. Однако мысль о том, что Учитель там страдает, придавала мне смелости, и я, все как следует выпросив, отправилась в путь и на следующее утро уже была на станции в Хыннаме. Остановившись в гостинице и оставив там свои вещи, я пошла разыскивать тюрьму. Все заключенные были на работах, поэтому мне целый день пришлось ждать их возвращения в комнате для свиданий. Вечером колоннами человек по 40 в тюрьму вернулись заключенные в синих робах. Когда я увидела среди них Учителя, у меня перехватило дыхание. Хотя я была очень рада, в горле у меня стоял ком. Я подала заявление с просьбой разрешить свидание, написав, что Учитель приходится мне племянником. Через некоторое время он вошел в сопровождении охранника. Он спросил меня, как поживают наши члены, и я, чтобы успокоить его, ответила, что у них все хорошо. Рядом стоял охранник, поэтому мы ни о чем не могли поговорить. Я просто передала ему приготовленную мной рисовую муку и вышла.

Переночевав в гостинице, я рано утром увиделась с Учителем еще раз, а вечером села на поезд. Каждый раз после моего возвращения, когда я вспоминала, как Учитель страдает в тюрьме, меня охватывала нестерпимая печаль и глаза застилали слезы.

Вскоре пришло еще одно письмо, в котором он просил меня приезжать почаще. Когда мой муж уехал на юг, а дети посещали школу, у меня наконец появилась возможность отлучаться из дома, когда захочу. Через некоторое время я приготовила мясо в соевом соусе, собрала одежду и другие вещи и поехала на встречу с Учителем.

Зайдя в гостиницу, я спросила у хозяина, не было ли каких-либо новостей о заключенных. Он ответил, что всех заключенных хыннамской тюрьмы отправили в глубь страны. В тот момент у меня просто сердце оборвалось. Я пошла в тюрьму и расспросила обо всем охранника. От него я узнала, что Учитель попал в отделение тюрьмы, называемое Понгун, которое находилось в 20 ли (приблизительно 8 км. — Прим. перев.) от главной тюрьмы. Сама я не могла донести туда еду и одежду, которую привезла с собой. Я наняла носильщика и отправилась в путь. У меня была тесная обувь, и со времени моего приезда из Пхеньяна у меня болели пальцы ног, а по дороге в тюрьму Понгун ногти на ногах совсем отвалились. Превозмогая боль, я добралась до Понгуна. Там я нашла место, чтобы остановиться. Выйдя из дома, я подошла к тюрьме и стала разглядывать ее. Вдруг справа от меня послышался грохот тележки. Присмотревшись, я увидела, что ее тащит Учитель. Обрадовавшись, я закричала: "Учитель, я приехала" — и побежала к нему. Учитель очень удивился. Оглянувшись на свою тележку, он сказал: "Сейчас мне нужно отвезти этот груз. Приходи попозже и принеси чего-нибудь". Я купила молотого обжаренного зерна и риса и смолола муку. Затем пошла на рынок, купила полсотни яблок и яйца и приготовила канджон (рисовые хлебцы в кляре. — Прим. перев.). Я доверху наполнила большую сумку, сложив в нее все это, да еще продукты, которые я привезла с собой из дома. Я попросила охранника передать сумку Учителю, но потом хозяин лавочки сказал мне, что человек не получит и половины того, что ему передают, так как по дороге ее забирают другие. Услышав это, я так разволновалась, что не могла уснуть.

На следующее утро, наблюдая за тюрьмой, я увидела, как Учитель вышел подметать двор. Подойдя поближе, я спросила его, получил ли он то, что я передала для него накануне. Он ответил утвердительно, и я успокоилась. Учитель ушел в глубь тюрьмы, и я уже из окна гостиницы видела, как он подметает задний двор. Я попросила охранников позволить мне поговорить немного с племянником, к которому я приехала из Пхеньяна, и мы с Учителем смогли немного побеседовать. Когда мы прощались, он сказал мне, что через месяц возвращается в Хыннам.

Он послал мне письмо, в котором писал, что после перевода его из хыннамской тюрьмы в Понгун у него начали болеть ноги, и попросил выслать ему толстые носки, которые он хотел надеть поверх тонких. Я связала две пары и поехала к нему, но охранник отказался их передать, и я так и вернулась с ними обратно. Когда я размышляла об этом по возвращении домой, мне на память пришли слова одной старой поговорки: "Если сделать для человека носки из собственных волос, он не сможет

воздать за это сполна, как бы ни старался". Я отрезала свои волосы, связала из них две пары носков и преподнесла ему при нашей следующей встрече. Они были на Учителе, когда, выйдя из тюрьмы, он приехал в Пхеньян. Но, когда он останавливался в нашем доме, я их постирала, а потом, во время эвакуации, забыла взять с собой. Позже он спросил про них, и я ответила, что оставила их в Пхеньяне. Он упрекнул меня: "Почему ты их не взяла?". Почувствовав себя неловко, я снова остригла свои волосы, связала носки и подарила ему. Он говорит, что до сих пор хранит их.

После того как 25 июня разразилась война, я уже не могла его навещать и поэтому очень беспокоилась и молилась за него. Однажды я получила откровение: "С Учителем все в порядке — не беспокойся".

Я снова служу Учителю в Пусане

14 октября 1950 года войска ООН высадились в Хыннаме. Всех заключенных тюрьмы в Понгуне уничтожили. Каждый день из хыннамской тюрьмы уводили группу узников в горы и там расстреливали. Несмотря на усилившиеся бомбардировки, заключенных продолжали выгонять на работы. Это было одним из средств их уничтожения. Хотя там, где работал Учитель, не бомбили и с ним ничего страшного не происходило, заключенных по очереди выводили из барачных помещений и расстреливали, поэтому все были как на иголках. Со дня на день должна была наступить очередь барака, где находился Учитель, но в этот момент войска ООН перешли в наступление, и он, чудом оставшись в живых, вышел на свободу.

Десять дней он пешком добирался до Пхеньяна. На второй день после того, как моя семья вернулась из эвакуации, дети сказали мне, что меня разыскивает какой-то человек, похожий на нищего. Я встретила с ним. Оказалось, этот человек еще в тюрьме стал последователем Учителя и вместе с ним вышел на свободу. Он разыскивал меня по приказу Учителя. От него я узнала, что Учитель остановился в доме своей тети. Я пригласила Учителя к себе домой.

Все время, пока он был у нас в доме, он интересовался нашими старыми членами Церкви. Он навещал их сам или посылал господина Вон Пхиля. Он хотел собрать их всех, но, кроме двух членов Церкви Чрева, никто не пришел.

Дней через двадцать с юга вернулся мой муж. Учитель, зная, что у меня могут возникнуть проблемы, ушел и снял комнату вместе с господином Вон Пхилем.

4 декабря 1950 года началось отступление южнокорейских войск на юг. Посреди ночи мой старший сын подъехал на машине к нашему дому, мы погрузили свои пожитки и отправились на другой берег реки Тэдонган. Мы переночевали в части, где служил сын, а через два дня прибыли в Сеул. Спустя некоторое время мы переехали в Пусан, где я начала посещать церковь Чхорян.

Однажды через одного прихожанина меня нашел господин Вон Пхиль. Я расспросила его об Учителе, и он рассказал мне, что Учитель живет у одного человека и носит ту же самую одежду, что была на нем, когда он жил на севере. Когда-то я сшила для Учителя и господина Вон Пхиля два костюма европейского покроя. Я их продала и передала эти деньги для Учителя, чтобы они могли снять хотя бы комнату.

В то время мы находились в эвакуации, мы всей семьей ютились в одном доме, и на мне держалось все хозяйство. Даже зная, что Учитель бедствует, я ничем не могла ему помочь. Мне едва хватало времени на то, чтобы 2 раза в неделю проводить вместе с ним службы. Только там я с ним и виделась.

Учитель совсем недавно оказался на свободе, и его волосы еще не успели отрасти. Найдя комнату для жилья, он долго в ней не задерживался — его прогоняли, так как из-за стрижки принимали за коммуниста. Так он и переезжал с места на место, потому что найти постоянное жилье было

невозможно. Затем он встретился с господином Ом Дон Муном, у которого прожил несколько месяцев. Позже господин Вон Пхиль устроился на работу в американскую военную часть и снял для Учителя жильё.

Встречаясь по воскресеньям и средам с Учителем и господином Вон Пхилем, я замечала, что у них накапливалась нестираная одежда. Как-то раз я собрала ее всю и вышла из дома с намерением постирать. Учитель последовал за мной и, схватившись за ворох одежды, потянул его к себе. Когда я спросила его, почему он это делает, он ответил: "Я сам все постираю, хочу тебе немного помочь". Настояв на своем, он перестирал все сам. У них не было специальной веревки для сушки белья, и я развесила все на веревке, сделанной из соломы. Предупредив, чтобы они сняли одежду, когда она просохнет, я поспешила домой. Добираться от Помнэкколя до Чхоряна нужно было на трамвае, но я плохо ориентировалась в городе, поэтому бывало, что проезжала мимо нужного места.

Я разрывалась между домом и церковью, и каждый раз, когда видела Учителя, который оставался дома один, в то время как господин Вон Пхиль целыми днями работал в американской военной части, я плакала. Не раз и не два я обращалась к Богу с вопросом: "Учитель говорит, что он осуществит Твою волю, но как же он это сделает, если у него никого нет, кроме господина Вон Пхиль?"

Тем временем Учитель одолжил у кого-то чиге (А-образная деревянная рамка для переноски грузов на спине. — Прим. перев.) и из ущелья, расположенного в Помнэкколе, натаскал глины и камней и построил домик. Однако начавшиеся в июле проливные дожди размывали его. Учитель сам отстраивал его заново, а я помогала ему в этом. У нас не было никакого материала, чтобы покрыть крышу, и мы использовали для этой цели коробки, которые господин Вон Пхиль приносил с собой каждый раз, когда возвращался с работы. Но когда мы рыли канавки для отопления (имеется в виду традиционная корейская отопительная система — кудыль, когда в земляном полу делают каналы, соединяющиеся с очагом, и накрывают их сверху плоскими каменными плитами. Теплый воздух от очага, проходя по каналам, нагревает пол. — Прим. перев.), вода просочилась сквозь крышу и залила нас. Мы сделали желобок для отвода воды, привели в порядок комнату и разожгли огонь, но нас снова залило. На этот раз вода потекла из отверстия для растапливания очага, так что нам опять пришлось устраивать сток, чтобы пол был сухим. Учитель собственными руками смастерил дверь, и к августу наш домик из глины был готов. Вода просачивалась через потолок на кухню и вытекала наружу ручейком.

В то время никто не подходил к домику, в тех местах вообще мало кто бывал. Первым гостем в этом доме была госпожа Кан Хён Щиль.

В тот день она подошла к домику и, положив сумочку на землю, наклонилась к ручью, чтобы помыть руки. Я спросила, где она работает. Она ответила — нигде и объяснила, что она верит в Иисуса и пришла, потому что слышала, что здесь живет удивительный учитель. Я проводила ее в дом, и, поскольку Учитель был на вершине горы, пошла за ним. Пока Учитель и госпожа Хён Щиль разговаривали, наступило время обеда, и я внесла столик с едой. Учитель попросил госпожу Хён Щиль помолиться, но она сказала, что не может этого сделать, тогда он помолился сам. Она была поражена его молитвой. С тех пор она приходила к нам постоянно.

Она была слушательницей теологической семинарии Корё, но Учитель велел ей оставить учебу и заняться свидетельствованием. Она послушалась его.

Госпожа Хён Щиль начала свидетельствовать, а я вернулась к себе домой, но однажды Небеса послали мне упрек: "Учитель страдает в одиночестве, а ты находишься здесь". Тогда я приняла решение служить Учителю и ушла из дома.

Иногда ко мне приходили мои сыновья и спрашивали, почему я живу в этом месте и зачем я так с ними поступаю. Они умоляли меня вернуться домой, но ничего не могли со мной поделать, потому что я должна была следовать Божьему велению. Я сказала им: "Бог призвал меня не для того, чтобы

присматривать за вами. Я занималась этим, но теперь, если Он призовет меня, я уйду и вы, возможно, не увидите меня вовеки. Но если вы хотите видиться со своей матерью, приходите сюда в любое время". Сказав это, я отослала их домой и с тех пор постоянно находилась около Учителя.

До победного дня

Позже в наш глиняный дом приходили разные люди, некоторые из них оставались жить в нашей маленькой комнатке. Из-за этого многие неправильно нас понимали. Каждый раз, когда ко мне приходили мой муж и сыновья, я их уговаривала: "Именно меня Бог нашел и собирается использовать для особой цели. Потерпите немного. В будущем, когда Божья воля исполнится, мы снова будем вместе, а пока потерпите". Эти слова я повторяла, когда они уходили от меня.

Учителю сообщили, что его жена живет в Сеуле. Он написал ей письмо, и она приехала в Пусан. Отдельного дома у Учителя не было, и мы жили все вместе в нашей глиняной хижине. Учитель не виделся с женой несколько лет, и им нужно было побыть вместе и о многом поговорить, но наше присутствие мешало им свободно общаться. Через некоторое время, недовольная всеми этими бытовыми неудобствами, мать Сон Джина (сын Истинного Отца от первого брака. — Прим. перев.) повела себя агрессивно, как сам сатана. Тогда преподобный Ли Ё Хан, я и еще одна сестра сняли комнату и переехали жить туда.

Утром после завтрака Учитель приходил к нам и давал проповеди, а вечером, поужинав, уходил. Как-то раз в воскресенье мы готовились к службе, но вслед за членами Церкви пришла жена Учителя и устроила скандал, а спустя некоторое время после того, как она ушла, к нам явился полицейский и увел Учителя и преподобного И. После этого я переселилась домой дней на 10. Я очень беспокоилась об Учителе. Я нашла господина Вон Пхилия и на деньги, которые он мне дал, сняла дом в районе Сунджондон. Там я снова встретилась с Учителем и преподобным Ли.

Жена Учителя не знала о доме, в который мы недавно переехали, и на некоторое время успокоилась. Но зато она пошла ко мне домой и заявила моим детям, что я сожительствую с Учителем. Они знали, что я веду жизнь в вере и следую Божьему призыву, но, услышав такое, они были потрясены. Вечером в дом, где мы собирались, пришли полицейские. Когда я открыла дверь, они спросили: "Не здесь ли живет женщина из Пхеньяна?" Я поняла, что нас ожидают большие неприятности, и первой моей мыслью было выскочить через заднюю дверь и убежать в горы, но я не могла даже шевельнуть ногой и вся дрожала. Следователи увели Учителя и преподобного Ли.

Я поднялась на вершину горы, чтобы дождаться господина Вон Пхилия. Вместе с ним мы вошли в дом и застали там жену Учителя, которая с остервенением ломала нашу домашнюю утварь. Она изорвала даже Библию, которой пользовался Учитель, и потом ушла. Мы переночевали и на следующий день пошли домой к господину Ким Вон Доку. Туда же пришел и Учитель. Он стал уговаривать господина Вон Пхилия переехать к нему, но тот сказал, что предпочитает жить отдельно, так как ему не нравится жена Учителя. Учитель снова принялся убеждать его, но он ни в какую не соглашался. На самом деле господин Вон Пхиль замечательный человек, просто тогда он заупрямился. Все-таки он переехал к Учителю, а я, пожив некоторое время дома, вернулась в дом в Сунджондоне.

Причина, по которой жена Учителя вела себя таким образом, заключалась в том, что они 6 лет не жили как муж и жена, и, увидев, как он во всем советуется со мной, она подумала, что он влюбился в меня и сожительствует со мной. В соответствии с указанием, которое Учитель получил от Небес, он должен был 6 месяцев слушаться женщину, поэтому он спрашивал моего мнения в любых мелочах, несмотря на то, что сам во всем прекрасно разбирался. Его жене показалось странным, что он в течение полугода уделял мне столько внимания.

Я так и осталась в Церкви. Я была в Церкви в Чхонпхадоне в Сеуле, потом на 40 дней отправилась свидетельствовать в Чочхивон и в Чиксан. Потом по указанию Учителя я стала духовной

наставницей для всей корейской Церкви. Я посетила Чонджу, Кванджу, Пусан, Тэгу и другие города.

Я сама привела в Церковь одного человека — господина Им Джон Суна, он получил Благословение в числе 120 пар. Был еще один мужчина, которому я свидетельствовала в Чиксане, но, прослушав семинар, он затем отошел от Церкви.

Я следую за Учителем с 1946 года по сей день и, вспоминая, какой путь он прошел, понимаю, что все невзгоды и страдания, которые выпали ему в жизни, он победил огромным терпением, всепрощением, любовью, кровью, потом и слезами.

Я думаю, что все эти качества являются единственным оружием, которое позволит нам преодолеть трудности на своем пути, пути восстановления.